

программу еще и обнаружение, идентификацию и достойное захоронение останков жертв красного террора. Работы, проведенные в Петропавловской крепости, могли бы послужить методической основой для такого рода исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петроградский Военно-Революционный Комитет: Документы и материалы. – М., 1966. – Т. 1. – С. 439.
2. Андрианова, Л. В. Петропавловская крепость в 1917–1945 годах / Л. В. Андрианова // Петропавловская крепость. Страницы истории. – СПб., 2001. – С. 398.
3. Рид, Дж. Десять дней, которые потрясли мир... / Дж. Рид. – М., 1957. – С. 167.
4. Письмо Л. Б. Красина жене Л. В. Красиной 1 ноября 1917 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://socialist.memo.ru/events/junkmjat.htm>. – Дата доступа : 23.03.2017.
5. Палей, О. Воспоминания о России / О. Палей. – М., 2005.
6. Лихачев, Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет / Д. С. Лихачев. – СПб., 2006. – Т. 1. – С. 121.
7. Штейнберг, А. З. Литературный архипелаг / А. З. Штейнберг. – М., 2009. – С. 64
8. Дневник А. Н. Бенуа. 14/09/1916 – 23/01/1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.fedy-diary.ru/html/042011/24042011-03a.html>. – Дата доступа : 23.03.2017.
9. Сомов, К. Дневник. 1917–1923 / К. Сомов. – М., 2017. – С. 106.
10. Карпенко, И. Расстрел в Петропавловке / И. Карпенко // Дилеттант. – 2017. – № 6 (18).

И. А. Литвиновский, Ю. И. Литвиновская

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.)

Германский вопрос во внешней политике Советского Союза стал доминирующим с ростом международной напряженности в Европе и приближением начала Второй мировой войны. В сложившейся обстановке, стремясь избежать международной изоляции, советское руководство пошло на установление контактов с Берлином. При этом практика достижения договоренностей с гитлеровским режимом и подписания соглашения с ним использовалась и западными странами, которые в этом направлении являлись первопроходцами. Яркая характеристика особенностей международной обстановки того времени содержится в двенадцатитомном издании «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», где сказано:

«Утрата старых политико-правовых основ международного поведения породила невиданный цинизм всех участников международных отношений... Рассуждения о моральных соображениях советского руководства, впрочем как и руководства любой другой европейской страны в тот период, неуместны – слишком малую роль играли эти соображения для самих лидеров той эпохи» [1, с. 35, 38].

Советско-германское сотрудничество обеспечило для Германии безопасный тыл в начавшейся Второй мировой войне. В Европе произошли неблагоприятные для СССР изменения в расстановке сил. Гитлеровская Германия стала доминирующей силой и весьма опасным соседом Советского Союза. Осенью 1940 г. появились первые предвестники будущего противостояния двух держав – 27 сентября в Берлине был подписан Тройственный пакт, военно-политический и экономический союз Германии, Италии и Японии. «Эта палка будет иметь два конца – против России и против Америки», – заявил министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп в узком кругу своих сотрудников после подписания договора [2, с. 102]. В июле 1940 г., вскоре после капитуляции Франции, планирование войны против Советского Союза было поставлено гитлеровским режимом в практическую плоскость.

Несмотря на наличие достоверной информации о планах Германии, полученной как от разведки, дипломатических источников, прессы (хотя их сведения часто были довольно противоречивы), так и от правительств США и Великобритании, советское руководство оказалось практически неподготовленным к войне с Германией. Начало военных действий утром 22 июня 1941 г. было во многом неожиданным. Это видно из записи беседы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в Москве Ф. В. Шуленбургом утром (5 час. 30 мин.) 22 июня 1941 г. Последний явился на прием с нотой германского правительства, где говорилось, что «Ввиду нетерпимой угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массивной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной армии, германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры» [3, с. 111].

На последовавший вопрос Молотова о том, что означает эта нота, Шуленбург ответил, что, «по его мнению, это начало войны». Советский нарком начал объяснять, что никакой концентрации войск Красной армии на границе с Германией не производилось, а проходили обычные маневры, которые проводятся каждый год. И если бы немецкая сторона заявила, что почему-либо эти маневры, по территории их проведения, нежелательны, можно было бы обсудить этот вопрос. Между тем Германия до последней минуты не предъявляла никаких претензий к советскому правительству. Молотов заявил также, что Германия совершила нападение на СССР и тем самым является нападающей стороной [3, с. 111].

Сообщая о начале войны генеральному секретарю исполкома Коминтерна Г. Димитрову, И. Сталин возмущался, что гитлеровцы напали, «не предъявляя никаких претензий, не требуя никаких переговоров, напали подло, как разбойники...» [4, с. 63].

В начавшейся войне с Германией Советский Союз был поддержан Великобританией и Соединенными Штатами. Возникли предпосылки для образования антигитлеровской коалиции. Вместе с тем результативность сотрудничества с западными странами в войне с Германией и ее союзниками всецело зависела от взаимного учета интересов и целей во Второй мировой войне участвующих в коалиции государств.

Между тем налаживание отношений с государствами, которые находились в лагере противников гитлеровской Германии – Великобританией и США, было связано с определенными трудностями. Недоверие к советскому руководству со стороны западных держав в начале войны проявилось, в частности, в том, что СССР не был привлечен к подготовке первого документа союзников о целях в начавшейся войне. Таким документом была англо-американская декларация (Атлантическая хартия), разработанная и принятая на встрече Ф. Рузвельта и У. Черчилля, проходившей 9–12 августа 1941 г. на борту британского линкора «Принц Уэльский», стоявшего в бухте Арджентиа-бей канадского острова Ньюфаундленд. В документе, обнародованном 14 августа 1941 г., содержались «общие принципы национальной политики» США и Великобритании «после окончательного уничтожения нацистской тирании». Они заключались в отказе от территориальных приобретений и территориальных изменений, которые не находятся «в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов», признании права народов на самоопределение и избрание себе формы правления, восстановлении суверенитета «тех народов, которые были лишены этого насильственным путем», достижении «полного сотрудничества между странами» и т.д. [5, с. 167].

Советскому Союзу предложено было присоединиться к этому документу. Однако то обстоятельство, что СССР не был привлечен к разработке декларации, вызвало серьезное недовольство советского руководства, которое к тому же считало, что англо-американский документ не лишен недостатков, в частности, он мало что дает для решения актуальных вопросов военного сотрудничества и в то же время отражает стремление лидеров США и Великобритании монополизировать обсуждение вопросов будущего мира без учета мнения других союзников [4, с. 71].

«Что касается декларации Черчилля – Рузвельта, – писал Молотов советскому послу в Лондоне накануне Межсоюзнической конференции, проходившей в ноябре 1941 г., – то мы не можем просто присоединиться к ней хотя бы потому, что она подготавливалась и опубликована без всякой предварительной информации и без учета мнения СССР, несущего теперь всю тяжесть войны с гитлеризмом..., потому, что наши товарищи страшно

раздражены тем, что СССР хотят превратить в бесплатное приложение других держав» [3, с. 144].

СССР не стал присоединяться к Хартии, однако на собравшейся 24 сентября в Лондоне Межсоюзнической конференции стран, воюющих с Германией, в которой участвовали представители СССР, Великобритании, Бельгии, Чехословакии, Греции, Польши, Голландии, Норвегии, Югославии, Люксембурга и движения «Свободная Франция», советский посол в Лондоне И. М. Майский огласил декларацию правительства Советского Союза. В ней выражалось согласие с основными принципами Атлантической хартии и оглашались цели советской внешней политики, а также подчеркивалось, что главная «задача народов и всех государств, вынужденных вести навязанную им войну против гитлеровской Германии и ее союзников», добиться скорейшего разгрома агрессоров. Кроме того, в ней говорилось о стремлении Советского Союза к установлению в послевоенном мире отношений сотрудничества между государствами, подчеркивалась важность принципа самоопределения наций, право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны. Выражая согласие с основными принципами Хартии, советское правительство одновременно заявляло, что их практическое применение «неизбежно должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны» [5, с. 163–166; 6, с. 342, 343].

В более развернутом виде внешнеполитические приоритеты Советского Союза в Великой Отечественной войне были определены И. В. Сталиным 6 ноября 1941 г. в докладе, посвященном 24-й годовщине Октябрьской революции. «У нас нет и не может быть таких целей войны, как захват чужих территорий, покорение чужих народов, все равно, идет ли речь о народах и территориях Европы, или о народах и территориях Азии, в том числе и Ирана. Наша первая цель состоит в том, чтобы освободить наши территории и наши народы от немецко-фашистского ига.

У нас нет и не может быть таких целей войны, как навязывание своей воли и своего режима славянским и другим поработанным народам Европы, ждущим от нас помощи. Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят. Никакого вмешательства во внутренние дела других народов!» [5, с. 49].

Если же касаться выработки советской внешнеполитической позиции по германскому вопросу в отношении послевоенного будущего Германии, то необходимо сразу же отметить, что этот процесс занял определенное время и имел весьма сложный и неоднозначный характер.

На определение советской позиции влияли самые разнородные факторы: опыт и личные взгляды лиц, задействованных в этой работе, точка зрения союзников по антигитлеровской коалиции, положение на фронтах Великой Отечественной войны, позиция находившихся в СССР руководителей коммунистических партий европейских стран и т.д.

Вопросом послевоенного будущего Германии, в равной мере как и всей Европы советское руководство уделяло серьезное внимание на протяжении всей войны, буквально с первых ее дней, несмотря на сложность обстановки на фронте, когда, казалось, оно должно было быть всецело поглощено войной. Одним из первых документов этого плана стала телеграмма наркома иностранных дел В. М. Молотова советскому послу в Великобритании И. М. Майскому от 21 ноября 1941 г. Суть вопроса состояла в том, что в уже упоминавшемся нами докладе Сталина от 6 ноября 1941 г. имелись высказывания советского вождя о двух этапах внешней политики нацистской Германии: «Пока гитлеровцы занимались собиранием немецких земель и воссоединением Рейнской области, Австрии и т.д., их можно было с известным основанием считать националистами. Но после того, как они захватили чужие территории и поработили европейские нации – чехов, словаков, поляков, норвежцев, датчан, голландцев, бельгийцев, французов, сербов, греков, украинцев, белорусов, прибалтов и т.д. и стали добиваться мирового господства, гитлеровская партия перестала быть националистической, ибо с этого момента стала партией империалистической, захватнической, угнетательской» [5, с. 43].

Складывалось впечатление, что в высказывании Сталина по Рейнской области и австрийскому вопросу не были четко расставлены акценты. Их можно было толковать двояко, в том числе и как оправдание действий Гитлера. Советский посол, ссылаясь на просьбу английских коммунистов, запросил Москву о необходимых разъяснениях. Они были изложены в специальной телеграмме Молотова, где указывалось, что Сталин не считает политику присоединения, проводимую германским национализмом, «правильной и приемлемой схемой» и что «захватническая политика гитлеровцев должна считаться губительной для Германии. «Что же касается точки зрения самого товарища Сталина по поводу Австрии, Рейнской области и пр., то Сталин думает, что Австрия должна быть отделена от Германии в виде независимого государства, а сама Германия, в том числе Пруссия, должна быть разбита на ряд более или менее самостоятельных государств, чтобы создать тем самым гарантию для спокойствия европейских государств в будущем» [3, с. 118–119].

Для складывающейся антигитлеровской коалиции, наравне с обсуждением вопросов чисто военного и военно-экономического характера, одним из ключевых было согласование точек зрения на то, что делать с Германией в случае победы над ней, как предотвратить возможное повторение агрессии с ее стороны. В начальный период Великой Отечественной войны наиболее заинтересованными сторонами в этом плане были Великобритания и Советский Союз.

С мая 1940 г., с приходом к власти кабинета У. Черчилля, английское правительство заняло весьма жесткую позицию, сводившуюся к полному устранению Германии как силовой и политической реальности в Европе.

Жесткая линия, не проводившая особого различия между немцами и нацистами, – отмечают исследователи, стала с весны 1940 г. официальной линией британского правительства [7, с. 9].

Планы на будущее после 22 июня 1941 г. нужно было согласовывать с Советским Союзом. Это предполагалось сделать в ходе визита в Москву министра иностранных дел А. Идена в декабре 1941 г.

Советский посол в Лондоне И. М. Майский информировал НКВД 29 ноября 1941 г., что английское правительство решило обсудить в Москве вопросы «целей войны и послевоенной организации мира». По его мнению, правительство Великобритании в данный период считает нежелательным «точно фиксировать что-либо относительно послевоенной эпохи», так как это могло вызвать споры в политических партиях Англии и к тому же «растревожить США». В то же время принятие решений о послевоенной организации мира могло бы вызвать нежелательные настроения в Германии. По словам посла, британское правительство «в данный момент хотело бы избежать слишком большого уточнения послевоенной программы, но готово заключить «какое-либо соглашение о сотрудничестве» в послевоенный период» [3, с. 645–646].

Такая его позиция объяснялась тем, что оно, во-первых, желало иметь свободные руки при заключении будущего мира, во-вторых, постоянно оглядывалось на США, боясь оттолкнуть их слишком суровыми мерами в отношении Германии, в-третьих, учитывало постоянную борьбу взглядов различных английских партий по вопросам послевоенного устройства. Характеризуя его позицию на предстоящих переговорах, И. Майский писал, что оно, видимо, «будет возражать против слишком большого уточнения организации будущего мира как в вопросе о Германии, так и в вопросе о других странах» и едва ли будет «выходить за пределы Атлантической Хартии» [3, с. 646].

Беседа с У. Черчиллем накануне отъезда английской делегации в Советский Союз (с 7 по 30 декабря 1941 г. И. И. Майский сопровождал А. Идена в ходе его поездки в СССР и участвовал в московских переговорах), советский посол просил британского премьер-министра точнее сформулировать свои взгляды на содержание предстоящих переговоров. По вопросам послевоенного порядка Черчилль заявил, что основная задача состоит в том, чтобы раз и навсегда ликвидировать германскую опасность. Для этого необходимо полное разоружение Германии по крайней мере на целое поколение, раздробление Германии на части, прежде всего отделение Пруссии от остальных частей Германии. Однако Черчилль считал нецелесообразным открыто заявлять сейчас о раздроблении Германии, ибо это могло бы толкнуть немцев только более свирепо драться против союзников [3, с. 123].

Англо-советские переговоры проходили в Москве 16–20 декабря 1941 г. С советской стороны в них участвовали И. В. Сталин и В. М. Молотов. В центре обсуждения были проекты двух договоров – о военной взаимопомощи и о разрешении послевоенных проблем.

По возвращении в Англию, как пишет в своих мемуарах У. Черчилль, А. Иден детально описал суть происходившего. Относительно германского вопроса там было сказано: «Во время моей первой беседы со Сталиным и Молотовым, состоявшейся 16 декабря, Сталин довольно подробно изложил свои взгляды на то, каким должны быть послевоенные территориальные границы в Европе, и в особенности свою точку зрения относительно обращения с Германией. Он предложил восстановление Австрии в качестве самостоятельного государства или протектората и, возможно, создание самостоятельного баварского государства. Он также предложил, чтобы Восточная Пруссия отошла к Польше, а Судетская область была возвращена Чехословакии.

...В ходе этой первой беседы Сталин в общем согласился с тем принципом, что Германия должна будет возместить ущерб, причиненный ею оккупированным странам, товарами, в частности станками и т.п., и исключил репарации в денежной форме как нежелательные» [8, с. 322–323].

По мнению советского руководства, все территориальные изменения в послевоенной Европе должны быть воплощены в специальном документе. «Было бы желательно, – заявил Сталин на первой встрече 16 декабря, – приложить по второму договору секретный протокол, в котором была бы намечена общая схема реорганизации европейских границ после войны [9, с. 37]. Особенно важным для Советского Союза было признание западной границы СССР по состоянию на 22 июня 1941 г.

Английская сторона предложила свой проект договора. Согласовать два проекта в декабре 1941 г. в Москве не удалось. Последовали сложные переговоры. Их наиболее интенсивная фаза пришлась на апрель 1942 г. Основные разногласия вызывал вопрос о западной границе СССР. Это включало советско-финскую границу, установленную по Московскому мирному договору между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г., Прибалтийские республики, Бессарабию и Северную Буковину. Советско-польская граница, как считало советское правительство, в общем и целом могла бы идти по линии Керзона и с включением Тильзита в состав Литовской республики. Великобритания, ссылаясь на позицию США, отказывалась решать вопросы признания новых границ до конца войны, до мирной конференции [9, с. 43].

По итогам англо-советских переговоров, проходивших в декабре 1941 г. согласованных документов, кроме коммюнике, подписано не было. В коммюнике отмечалось, что «Обмен мнений по вопросам послевоенной организации мира и безопасности дал много важного и полезного материала, который в дальнейшем облегчит возможность разработки конкретных предложений в этой области» [9, с. 92]. Сам же «Договор между СССР и Соединенным Королевством Великобритании о союзе в войне против гитлеровской Германии ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны» был подписан в Лондоне 26 мая 1942 г. В основу

его был положен вариант договора, предложенный английским правительством, и вопрос о послевоенных территориальных изменениях, в том числе и о советской западной границе, там отсутствовал.

Точка зрения советского руководства по германскому вопросу в очередной раз в начальный период Великой Отечественной войны получила широкое оглашение в Приказе Народного комиссара обороны от 23 февраля 1942 г., посвященном 24-й годовщине Красной армии и итогам восьми месяцев войны, где опровергались вымыслы иностранной печати о том, «что Красная армия имеет своей целью истребить немецкий народ и уничтожить германское государство». Сталин заявил: «Очень вероятно, что война за освобождение советской земли приведет к изгнанию или уничтожению клики Гитлера. Мы приветствовали бы подобный исход. Но было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским государством. Опыт истории говорит, что Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается» [5, с. 58].

С началом Великой Отечественной войны перед внешней политикой Советского Союза встал чрезвычайной важности вопрос разоблачения преступлений немецких властей на оккупированной территории и привлечения гитлеровцев к ответственности за совершаемые зверства. В Советском Союзе с самого начала осознавали, что ведущаяся нацистским режимом Германии война против СССР направлена на массовое истребление населения страны. О военных преступлениях гитлеровцев советское руководство систематически информировало дипломатические представительства иностранных держав в СССР. Только на протяжении начального периода войны посольствам и миссиям, аккредитованным в Москве, были направлены три ноты, касающиеся зверств германских властей на захваченных ими советских территориях [3, с. 656].

Первый такой документ был опубликован 25 ноября 1941 г. [3, с. 649]. «Имеющиеся в распоряжении советского правительства многочисленные документальные материалы свидетельствуют о том, что грабежи и разорение населения, сопровождающиеся зверскими насилиями и массовыми убийствами, распространены во всех районах, попавших под пяту немецких захватчиков, – сообщалось в циркулярной ноте наркома иностранных дел от 6 января 1942 г. – Непререкаемые факты свидетельствуют, что режим ограбления и кровавого террора по отношению к мирному населению захваченных сел и городов представляет собой не какие-то эксцессы отдельных недисциплинированных военных частей, отдельных германских офицеров и солдат, а определенную систему, заранее предусмотренную и поощряемую германским правительством и германским командованием, которые сознательно развязывают в своей армии среди офицеров и солдат самые низменные зверские инстинкты» [3, с. 143].

В «Декларации о наказании за преступления, совершенные во время войны», подписанной 13 января 1942 г. правительствами девяти оккупированных стран Европы, отмечалось, что Германия установила на территории захваченных стран «режим террора, проявляющегося в массовых

арестах и высылках, казнях заложников и массовых убийствах», а также напоминалось, что международное право, в частности, Гаагская конвенция 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны, не разрешает воюющим странам совершать на оккупированных территориях акты насилия над гражданским населением, прекращать действия законов или уничтожать государственный строй и обычаи этих стран [5, с. 319]. Об ответственности гитлеровцев за совершенные ими преступления говорилось также в специальных декларациях президента Соединенных Штатов и премьер-министра Великобритании, сделанных 25 октября 1941 г. [5, с. 320].

Вопрос о наказании «нацистских лидеров, конкретно ответственных за бесчисленные акты зверств», был затронут Ф. Рузвельтом и в выступлении с речью по радио 12 октября 1942 г. в связи с празднованием дня Колумба (450-летия со дня открытия Америки). Президент заявил, что «клика лидеров и их жестоких сообщников должна быть названа по имени, арестована и судима в соответствии с уголовным законом» [5, с. 318, 609].

Требования международного сообщества о наказании нацистских военных преступников были поддержаны Советским правительством в его специальном заявлении от 14 октября 1942 г. об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые в оккупированных странах Европы, которое считало необходимым безотлагательное придание суду специального международного трибунала и суровое наказание «гитлеровцев и их сообщников, виновных в организации, поощрении или совершении преступлений на оккупированной территории» [5, с. 318].

Для полного учета всех совершенных нацистами преступлений, определения на основе документальных данных ущерба, причиненного оккупантами как населению, так и государству, установления во всех случаях, где это было возможно, личностей, совершавших злодеяния, с целью последующего предания их суду, 2 ноября 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР образовал Чрезвычайную государственную комиссию, по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, которую возглавил Н. М. Шверник.

Начальный период Великой Отечественной войны был самым трудным для советского государства. Подходы к видению решения германского вопроса находились только в процессе своего становления. Его осуществление возможно было лишь на принципах, согласованных с союзниками по антигитлеровской коалиции, что было возможным только после выполнения задач, означенных в оглашенном И. Сталиным правительственным докладе 6 ноября 1942 г.: уничтожение гитлеровского государства, гитлеровской армии и «нового порядка в Европе» [5, с. 81–82].

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. – М. : Кучково поле, 2014. – Т. 8: Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. – 864 с.

2. История дипломатии: в 5 т. – М. : Политиздат, 1975. – Т. 4: Дипломатия в годы второй мировой войны. – 752 с.
3. СССР и германский вопрос 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 2 т. – М. : Междунар. отношения, 1996. – Т. 1: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. – 784 с.
4. *Наринский, М.М.* Советская внешняя политика в период Второй мировой войны / М. М. Наринский, А. М. Филитов. – М. : МГИМО, 1999. – 158 с.
5. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. – М. : Гос. изд. полит. лит., 1946. – Т. 1: 22 июня 1941 – 31 декабря 1943 г. – 803 с.
6. *Майский, И. М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943: в 2 кн. / И. М. Майский. – М. : Наука, 2006. – Кн. 2, ч. 2: 22 июня 1941–1943 год. – 398 с.
7. *Филитов, А. М.* Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение / А. М. Филитов. – М. : Междунар. отношения, 1993. – 240 с.
8. *Черчилль, У. С.* Вторая мировая война: в 6 т. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб; «Книжная лавка – РТР», 1998. – Т. 3: Великий Союз. – 368 с.
9. *Ржешевский, О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии, комментарии, 1941–1945 / О. А. Ржешевский. – М. : Наука, 2004. – 504 с.

Д. Пантьо

СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ КАЗАХСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ

Изучение темы участия казахов в партизанском движении будет опираться на две основные группы научных источников: польских и русскоязычных авторов (советских и современных российских и казахских исследователей).

Особенностью польской литературы, посвященной отношениям между польскими и советскими партизанами, является тот факт, что большая ее часть была написана в период Польской Народной Республики (ПНР), что обуславливало идеологическую окраску представляемой информации, ее подтасовку и преувеличение численности соединений и их боевого потенциала, а также глорификацию совместной борьбы польских и советских партизан. В большинстве польских исследований советские партизаны представлены безликой массой, что в конечном итоге вписывалось в нарратив Советского Союза о примате гражданства над национальностью, однако данный факт мешает нам определить, каким был национальный состав советских партизан на территории Польши [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17]. В современной польской литературе также не хватает анализа по национальному признаку советских партизан, чаще всего эти исследования посвящены развенчиванию мифов, созданных польской историографией во время ПНР (PRL) [18; 19; 20; 21].